

ВСТУПАЮЩЕМУ В ЦЕРКОВЬ

Архиепископ Михаил
(Грибановский)

*Бессмертна
ли
душа?*

Печатается по рекомендации
Издательского Совета
Русской Православной Церкви

Москва

2003

Приход храма Святого Духа Сошествия

Нет тебе части с землею, тебе, небесной. Ты — образ Божий; ищи свой Первообраз. Ибо подобное стремится к подобному: воды текут в море, прах возвращается в землю, птицы с птицами, и звери со зверями, и скоты со скотами, и рыбы с рыбами, и человек с подобным себе человеком, то есть добрый с добрым и злой со злым водится и все ищет подобного себе. Ищи и ты Того, Кому подобна, и стремись к Нему, как огонь в высоту. Там твой покой; здесь не найдешь покоя. Весь свет обойди, ничего не найдешь, что бы тебя удовлетворило. Ты, душа моя, не найдешь здесь, в этом мире, себе покоя. Все прекрасное мира сего есть тленное вещество, суэта, прах, земля — все ценное в нем. Ты — дух невестственный, бессмертный; нет тебе никакого покоя в них. Дух не упокоевается в веществе, но дух в Духе находит покой. Небо и весь свет не удовлетворят тебя, ибо нет подобия между тобою и светом. Обратись же к твоему Создателю, Который тебя по образу Своему сотворил. В Нем одном твой покой обретешь, как в своем центре.

Дух бессмертен, потому утоляется не тленным и смертным веществом, но живым и бессмертным Божеством. Так бедный человек, потеряв Источник живой воды — Бога, копает мутные колодцы в созданиях и от них ищет прохлады своей душе! Но копай, копай, бедная душа, сколько хочешь этих колодцев — твоей жажды от них не утолишь, еще и еще будешь жаждать. Знаешь ли, где найти живую воду? Слышишь, вот призывает к Себе живой Источник: *Кто жаждет, иди ко Мне и пей* (Ин. 7, 37); и еще: *Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин. 4, 14). От этого Источника черпает душа, и прохлаждается, и напояется, и увеселяется так, что уже не жаждет вовеки.

Святитель Тихон Задонский

Вопрос о бессмертии души — едва ли не самый главный вопрос мировоззрения. Таким считал его Ф. М. Достоевский, таким считаем его и мы. Для Достоевского бессмертие — это «опорный пункт веры в человека, к которому сводится решение всех мучивших человечество вопросов»; «высшая идея на земле — лишь одна, это именно идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из нее одной вытекают».

Для тоскующего по вере в Бога Версилова* Бог и есть бессмертие. И это очень понятно. Ведь если существует область духа — душа отдельного человека, то этим почти решается и вопрос о существовании вообще духовного бытия. Если есть бессмертие, значит есть и Бог.

В то же время идея бессмертия — основная предпосылка практической деятельности людей. «Или бессмертие, или антропофагия, людоедство, пожирание друг друга», — так ставит вопрос Достоевский. И он прав. Нельзя жить, не веря в душу.

* Герой романа Ф. М. Достоевского «Подросток».

В «Homo sapiens» С. Пшибышевского есть страшный диалог между Гродским и Фальком, двумя «неверующими», остановившимися перед вопросом: жить ли им и как жить:

«Гродский: Фальк, ты веришь в душу?»

Фальк: Нет, не верю. Нет, я не знаю. Я ни во что не верю. А ты что-нибудь думаешь о «ней»?

Гродский: О ком?

Фальк: О ней.

Гродский: Я не верю, но мне страшно.»

Смысл этого полного ужаса разговора ясен: даже эти нигилисты до того жаждут существования души и Бога, чтобы «на Нем положить свою жизнь», что с благоговейным ужасом и боязнью произносят и само слово «душа». Они желают, им хочется думать о ней; им страшно думать, что она есть, и еще страшнее признать, что ее нет. Тело свое они «изжили», взяли из него все, что можно. И теперь встает вопрос: куда же идти дальше? С точки зрения их прежнего мировоззрения ответ ясен: «идти в смерть». Но останавливает мысль: «а что если есть душа»? Ведь тогда можно жить, тогда открывается цель и смысл жизни. Просто так нельзя умереть, придется вечно нести погубленную, проданную телу душу. Это сознание радостно, мучительно и ужасно.

Нужно выбрать одно из двух: или, изжив все наслаждения, пережив все, что может дать жизнь пьяного, наркотического, скорее убить себя, не опомнившись от похмелья, или уверовать в бессмертие, в эту «страшную душу». Скажем яснее: человек зна-

ет два мотива-импульса, позволяющие ему нести «обузу жизни». Один мотив — жизнь для себя, для тех нервных, пьяных ощущений, которые даны в «жизненном кубке». Так живет Федор Павлович Карамазов*, который стал на сладострастии своем как на камне; так живут многие, по причине тупой, страстной привязанности к ощущениям жизни принимающие мир прежде, чем найдут нравственный смысл его, или даже без всякого смысла, без высшей идеи, удерживаемые в этой жизни «силой карамазовской низости».

Только себялюбцы без крыльев, с узенькой мещанской душой могут дожить до того дня, когда недорослая душа бросит изношенное тело. Они могут существовать лишь потому, что не живут, а передвигаются изо дня в день и, недостойные жизни, не чувствуют ее и не творят ее. И не живя, они не умирают, а, незаметные, уходят из этой жизни. А те, кто с «крыльями», если они живут «силой карамазовской низости», пьют из кубка с отчаянием, не удержимо, а когда вино не пьянит, не вынося похмелья, разбивают кубок об пол.

Итак, с одной стороны,— бессмертие, а значит напряженная духовная жизнь, с другой — тупое прозябание людей ни теплых, ни холодных, ведущее к самоубийству.

Есть и другой тип людей: они живут общественно-альтруистическим инстинктом. Лейтмотив их жизни — «нужность», полезность для человечества в его скорбном пути к счастью, борьба за гармонию всей человеческой жизни. Но этот мотив силен толь-

* Герой романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

ко рядом с идеей души и ее бессмертия. Только тогда человек может участвовать в созидании общего счастья, когда он уверен, что и он, его «я», будет петь «осанну» будущей гармонии мира и торжествовать с пальмами победу — личное бессмертие, и еще более тогда, когда он уверен, что счастье всего человечества не рассеется в будущем как дым.

Если нет уверенности в том, что духовное богатство человечества вечно, потому что вечны и «души — носители богатства», то и любовь к человечеству невозможна. Можно ли любить человека, когда от всего человечества не остается в будущем и сального пятна, и можно ли любить мир, когда в будущем он обратится со всеми душами и идеями в ледяную сосульку?

Без веры в бессмертие связи человека с землей становятся тоньше и в конце концов рвутся. Атеист-самоубийца у Достоевского пришел к заключению, что «по-животному жить отвратительно, ненормально и недостаточно для человека», т. е. надоело. Но встает вопрос: что же в таком случае сможет удерживать человека-безбожника в этом мире? В Бога и бессмертие он не верит, а вне этой веры нет нравственных начал жизни. «Сила низости карамазовской», животный страх смерти или животная жажда жизни выдохлась. Она и не может не выдохнуться. Итак, что же теперь? Теперь самоубийство неизбежно.

«Неотразимое убеждение в том, что жизнь человечества — в сущности такой же миг, как и моя собственная, и что завтра же, по достижении «гармонии» (если только верить, что мечта эта достижима), человечество обратится в тот же нуль, как и я, силою косных законов природы, да еще по-

сле стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты,— эта мысль возмущает мой дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет за все человечество и по закону отражения идей убивает во мне даже самую любовь к человечеству».

Нельзя любить небесное, нелепое, пошлое человечество, которое и существует бессмысленно. Для любви к людям нужна вера в душу и бессмертие, без этого любовь к людям непонятна и невозможна. Иначе — опять антропофагия. Этот вывод иллюстрирует пример Фалька, на которого мы указывали выше. Он соединил в себе оба мотива жизни: поиски неких ощущений и работу ради «общего счастья», ради великой гармонии будущего. И в конце концов у него вырывается крик: «Дайте мне душу, или прокляты и мое «пьянство» жизнью, и моя любовь к человечеству. Она была ложью. Я эту любовь выдумал, чтобы спрятаться от взора смерти, которая глядит мне в глаза, чтобы убить в себе муку, видеть в себе только земляного червя, который завтра умрет. Дайте мне душу, чтобы любить людей не из-за отчаяния, а за бессмертие и ради бессмертия».

Итак, душа нужна. Но возможно ли доказать ее бессмертие?

Полагаем, что здесь, главным образом, возможны два пути: путь мистического опыта и так называемое нравственное доказательство бессмертия.

Истину существования человеческого духа раскрывает опыт христианской жизни. Но это дока-

зательство убедительно только для тех, кто живет духовной жизнью столь глубоко, что ощущает в своей душе дыхание Живого Бога.

Моральное доказательство сводится к следующему положению: «Мы хотим бессмертия, значит оно есть». Вот слова Ф. М. Достоевского, в которых оно заключается: «Без убеждения в своем бессмертии связи человека с землей обрываются, становятся тоньше, гнилее, а потеря высшего смысла жизни, ощущаемой хотя бы лишь в виде бессознательной тоски, несомненно ведет за собой самоубийство». Но отсюда — и обратное нравоучение: «Если убеждение в бессмертии так необходимо для бытия человеческого, то, стало быть, оно есть нормальное состояние человечества, а коли так, то и самое бессмертие души человеческой существует несомненно».

Это доказательство кажется глубоким, но очевидно, что убедительность его — не логическая. Нельзя ли найти доказательства другого типа?

Лично мы просто верим в душу, принимая ее как Божественное дыхание, как частицу Бога, вложенную в человека при его создании. Для наших же читателей решаемся указать и иной интересный способ доказательства бессмертия, рассчитанный на тех, кто не верит, более того — не хочет знать никаких законов, кроме материи и ее эволюции.

Мы утверждаем, что бессмертие можно считать фактом, даже в том случае, если стоять на позициях теории эволюции. Вот как эта теория была изложена нами в одной публичной лекции:

«Речь пойдет о бессмертии. Живет и будет ли жить наша душа? Вопрос важный и вовсе не праздный. Вспомните, как остро ставит его «подпрапорщик» Гололобов в рассказе Арцыбашева. Он говорит: «Каждый человек обязан думать о своей смерти, потому что каждый человек должен умереть. Никто не может относиться равнодушно к такой ужасной вещи, как смерть. Положение каждого человека есть положение приговоренного к смертной казни. Смерть — неестественное и насилие... Я не хочу умирать, но умру. Это и насилие, и противоестественно. Это было бы красивой фразой, если бы в действительности было не так. Но оно так, а потому это уже не фраза, а факт».

«Не ужасно ли, право,— вторит ему доктор, — вот мы все живем, а потом умрем, так зачем же мне тогда, не говорю уж наши заботы, огорчения и радости, а даже наши идеалы? Вот Базаров говорил, что лопух вырастет, а в сущности, еще того хуже: и это неизвестно. Может, и лопух не вырастет, а просто ничего не будет. Завтра помрут все, кто меня знал; бумаги мои, сданные в архив, съедят крысы, или их сожгут, и все будет кончено. Никто и не вспомнит обо мне. Сколько миллионов людей существовало до меня, а где они? Я вот хожу по пыли, а эта пыль пропитана останками тех людей, которые так же были самоуверенны, как и я, и думали, что это очень важно, что они живут.

Вот огонек горел — и нет его! Пепел остался; может быть, можно опять зажечь, но это уж будет не то. Того, что горел, того уж не будет! Меня не будет! Неужели же... Ну, конечно! Все будет: и дерева, и люди, и чувства — много приятных чувств,

любовь и все такое,— а меня не будет. Я даже смотреть на это не буду. Не буду даже знать, есть ли это все или нет!

То есть даже не то что «не буду знать», а просто меня совершенно не будет! Просто? Нет, это не просто, а ужасно жестоко и бессмысленно! Зачем же я тогда жил, старался, считал это хорошим, а то дурным, думал, что я умнее других? Все равно меня не будет. И меня черви съедят. Долго будут есть, а я буду лежать неподвижно. Они будут есть, копошиться, белые, скользкие. Пусть лучше меня сожгут. Вот это тоже ужасно! Зачем же я жил? И, ведь я умру скоро. Может быть, я завтра умру? Сейчас? Ведь это так просто: заболит самым невинным образом голова, а потом все хуже, хуже и смерть. Я ведь сам знаю, что это просто, знаю, как и почему это, а, между тем, остановить и предупредить не могу! Умру. Может, завтра; может, сейчас. Какой смысл, кому нужно? Нет, я боюсь, боюсь!..»

Да, это ужасно, и об этом нельзя не думать, каждый обязан думать о смерти — вернее о бессмертии,— чтобы жить и творить.

Возможно, для доказательства бессмертия лучший метод — моральный. Может быть, здесь нужна не логика ученого, а пророчество, вдохновение тех пророков, которые *скитались в милотях и козьих кожах и которых весь мир не был достоин* (Евр. 11, 37, 38), в чьих речах — сила духа, которая уже достаточно доказывает вечное бессмертие; но поскольку вы хотите доказательств из области чистого знания,— я уступаю.

Я не хочу поймать вас в ловушку. Вы собрались здесь не затем, чтобы слушать проповедь, и ес-

ли бы я преподнес вам это неожиданно, то меня можно бы было обвинить в том, что я как будто устроил для вас западню. Я не желал бы заслужить такого упрека. Я думаю, что в самом деле многие из моих слушателей не пожелали бы прийти сюда, если бы им предложили присутствовать на проповеди. Спешу вас успокоить на этот счет, объяснив, в каком смысле мне придется говорить здесь о бессмертии и из какого источника я буду черпать для этого доказательства.

Я хочу говорить как естественник и свободный философ и предупреждаю, что я буду просто референтом, докладывающим выводы Сабатье, Джемми, Шиллера и др.

Не думайте, что я надеюсь беспорно убедить всех в догмате бессмертия. Нет. Задача моя скромнее: я хочу добиться признания того, что мы не имеем права его отрицать. Единственное мое намерение — и оно вполне законно — это исследовать, действительно ли идея личного бессмертия встречает противоречие в научных данных; действительно ли современные успехи знания все глубже и глубже роют неизбежную могилу для человеческого существования, и действительно ли только наивным и невежественным людям свойственно верить, что вне этого земного существования может быть другое и что телесная смерть вовсе не влечет за собою неизбежного умирания личности.

Тем, кто предполагает, что приобретение человеческих знаний разрушило учение о бессмертии, я нахожу нужным заметить, что таким образом намереваясь опираться на науку, выражая якобы научное мнение, они оскорбляют науку. Они говорят:

«Наука не позволяет верить в бессмертие. Наука доказывает, что все умирает, все разлагается на свои основные части, ничто не вечно. Наука отрицает возможность бессмертия. Последнее несовместимо с научными данными».

По словам Сабатье: «Наука не опровергает бессмертия; у нее нет возможности ни опровергнуть его, ни доказать. Бессмертие — это такой вопрос, который только еще входит в область науки, поэтому и не может быть доказан научным способом» (Сабатье). Я утверждаю, что наука движется к признанию бессмертного духа, но когда она к этому придет,— не знаю.

Уже с древних времен мыслящее человечество пыталось решить вопрос о том, бессмертен ли человек, будет ли он существовать как сознательная личность после видимой телесной смерти или его душа — миф, нечто, реально не существующее; и в решении этого вопроса наметилось два противоположных направления. Одно исходило из уверенности в том, что человек имеет особое начало — дух,— которое не только отличает его от всего остального живого мира (количественное соотношение), но и возвышает над ним (качественное соотношение). Дух этот не подлежит разрушению, так как и по смерти тела он сохраняет самостоятельное существование; он вечен, как вечен его Творец.

Другое направление имело в своем основании совершенно противоположную мысль, а именно что человек только количественно, но не качественно отличается от других живых существ; что в нем нет никакого Божественного начала; что он представляет собой соединение материальных элементов, кото-

рые разрушаются со смертью организма; что нет никакой другой жизни, кроме земной, поэтому людей должно призывать не к воздержанию, не к совершенству, а к тому, чтобы максимально пользоваться всеми земными благами без всяких забот о завтрашнем дне. *Будем есть и пить, потому что утром мы умрем* (1 Кор. 15, 32).

Когда на земле появилось христианство — религия, воспевающая союз Безначальной Личности с бессмертным человеческим духом, и когда оно мощно распространилось по всему миру, воцарилось в сознании всех разумных свободных личностей, тогда теория полной материальности человеческого существа начала тускнеть, уступая свое место живой вере человека в свое бесконечное существование. Но она не умерла окончательно: прошло несколько веков, она вновь возвысила свой голос. Воспользовавшись теми выводами, которыми естествознание обогатило науку, эта теория стала утверждать, что бессмертия нет и не может быть и что поэтому бессмысленно мечтать о какой-либо иной жизни, кроме земной; нет никакой души как особого духовного начала, а то, что люди привыкли называть душой, есть не что иное, как «плод развития мозга».

Вот что писал по этому поводу Бюхнер: «Философия без предрассудков вынуждена отбросить мысль о личном бессмертии и о продолжении личной жизни за гробом. Ум должен прекратить свое существование с гибелью и разложением своей естественной почвы, при посредстве которой он только

и получал сознательное существование и благодаря которой он сделался личностью»*.

Тем же характером отличаются и рассуждения Фохта: «Физиология положительно и решительно отрицает отдельное существование души. Душа не входит в утробный плод, как злой дух в одержимых, но она есть плод развития мозга, так же как мускульная деятельность есть плод развития мускулов, а выделения — плод развития желез».

Казалось, человечество было накануне кризиса мировоззрения. Ответ ему был ясен: душа умерла, Бог умер, человек должен сойти с пьедестала, на котором он стоял как владыка мира, существенно отличавшийся от одушевленной природы своим разумом и свободой. Связь с небом была порвана, потому что небо, по его мнению, пусто, там нет Бога. Это был трагический момент. Но людям не дано губкой снять краску со всего горизонта: не им убить Бога.

Прошли пьяные годы голого материализма, и вот мы стоим перед положением, противоположным бюхнеровскому: душа есть и она бессмертна, потому что материи в сущности нет. И вот как гром среди белого дня грянуло: «Ignoramus et ignorabimus» Дюбуа-Реймона**. «Не знаем и не будем знать» — вот новый принцип.

Да, естествознание сделало большие успехи, оно до некоторой степени перевернуло мир, но оно не может взять на себя слишком ответственную задачу — построить цельное строго научное мировоз-

* Ген. Друммонд. Естественный закон в духовном мире. М., 1897. С. 113.

** Немецкий физиолог.

зрение, ибо суть мирового бытия, тайна жизни является для него такой же неразгаданной, какой была и раньше.

Что такое жизнь? — спрашивали «новые» пытливые умы и отвечали: — Естествознание не знает. В чем цель жизни и к чему все идет? Наука не может дать на это ответа.

Можно ли, по крайней мере, утверждать, что помимо материи нет иного бытия? Оказывается, и этот вопрос остается без ответа. Наука имеет дело только с опытом, с положительными фактами. Сказать же что-нибудь определенное о том, что выходит за пределы опытного наблюдения, не захочет ни один сколько-нибудь уважающий себя естествоиспытатель. Подобного рода речи, если только они исходят от приверженца положительного знания, служат только оскорблением науки.

С этого дня началось крушение многих «полуаксиом» знания. «В области науки в будущем еще падет и разрушится много суеверий и аксиом», — говорил я некоторое время тому назад. Мне приходилось тогда же писать и о разрушении одной из них — аксиомы «Ex nihilo nihil» («Из ничего ничего не происходит»). Насколько тверда эта мысль? Может быть, и даже несомненно, она бесспорна, но мы вкладываем в нее такое содержание, какого в ней нет.

Возьмем, к примеру, партеногенез. Знаете ли вы, что это такое? В животном мире это рождение без участия мужского начала. Яйцеклетка оплодотворяется, становится способной создать жизнь через раздражение ее химическими, электрическими реактивами. Эти реактивы вполне заменяют мужское начало, так как, по-видимому, сперматозоид и

играет только роль раздражителя. Таким образом «девственно» размножались шелкопряд, иглокожие и т. д.

Если бы вам кто-нибудь сказал об этом факте, вы наверное ответили бы: «Нет, это нелепость, без мужа рождение невозможно. Теперь «бессеменное» зачатие, партеногенез — признанный факт*, но когда 110 лет тому назад де-Кастеллэ в первый раз сказал знаменитому Реомюру** о своем открытии девственного размножения у шелкопряда, тот только улыбнулся. «Ex nihilo nihil»,— и де-Кастеллэ тотчас покаялся в нелепости своей мысли и стал оправдывать свою «ошибку». Однако здесь-то он и ошибся, и мы вынуждены признать, что эта формула верна лишь отчасти.

Рассмотрим еще одну аксиому: «Все, что имеет начало, имеет и конец». На первый взгляд кажется, что она не имеет исключений, но не придется ли ограничить и ее? Однако всмотримся в это внимательнее. Может ли наука сказать, что она не знает ни одного исключения из этого правила, ведь в природе много вещей, начало которых мы не наблюдали и конца которых также не увидим. По аналогии можно заключить, что и эти явления подчиняются закону смерти и разрушения. Но вопрос не в этом, а в том, можно ли об этом говорить положительно, ос-

* см. Мир Божий. Январь, 1905. Современное состояние учения о партеногенезисе.

** Французский естествоиспытатель XVIII в. Известны его труды по регенерации, физиологии, биологии колоний насекомых. Предложил температурную шкалу, названную его именем.

таваясь на строго научной почве. А что, если эти явления в самих себе носят способность вечно возрождаться, вечно возобновляться, так сказать, вечно молодеть? Оказывается, это так, и доказательство тому — факты.

Начнем с неорганизованной материи. Возьмем кристалл каменной соли, представляющий собою индивидуальность вполне ясного характера: определенная геометрическая форма, отношение составляющих его молекул, оптические, тепловые, электрические, магнитные и химические свойства и т. д. Группировка составных частей этого кристалла индивидуализировалась вполне отчетливо. Предположим, что составные части в нем будут исключаться и заменяться, по мере их исключения, другими составными частями, тождественными первым; допустим, что такое замещение в очень небольшом количестве происходит медленно, постепенно, прогрессивно, так что элементы, введенные в данный момент, будут всегда в меньшинстве относительно стоящих перед ними.

Отсюда, очевидно, следует, что характеристическая форма кристалла, его положение, отношение к соседним кристаллам, функции, динамическое состояние, его свойства в общем останутся прежними. Следовательно, прогрессивная замена элементов не нарушила динамической индивидуальности, функциональной группировки элементов, совокупности сил и их действий, они остались без изменения. И если эта прогрессивная замена не прекращается и бу-

дет продолжаться в течение неопределенного времени, кристалл как индивидуальность может, по моему мнению, считаться как бы имеющим свойство существовать постоянно и — можно даже сказать — свойство бессмертия. Бессмертие этого кристалла, по нашей гипотезе, обусловлено непрерывающимся постепенным возобновлением его составных частей постоянным возрождением, представляющим собой род охранительной эволюции (Сабатье). Но это бессмертие относительно и неполно.

Было время, когда существовала только неорганическая материя по типу первичной плазмы. Плазма представляет собой чрезвычайно сложное, даже самое сложное из всех известных нам соединений. Но хотя ее составные части чрезвычайно многочисленны, все же это не простая смесь, а химическое соединение, известное под названием химического молекулярного комплекса, т. е. это взаимное притяжение различных молекул, между которыми существует такая связь, которая превращает всю их совокупность в одно целое. Альбумин есть главная и активная составная часть плазмы. Этот комплекс обладает всеми свойствами жизни; в нем-то именно и происходят с такой энергией явления уподобления, преобразования, питания, разрушения и т. д. и т. п., которые образуют необходимые элементы, составляющие жизнь. Следовательно, он дает возможность жизни, ставшей глухой и медленной в грубой материи, проявляться здесь с удивительной выразительностью, вечно обновляться, поддерживая ее бессмертие.

Плазма бессмертна вследствие постоянства той динамической совокупности, которая является

результатом соединения составляющих ее материальных элементов, так как эти последние, хотя сами по себе и не постоянны, но могут, при своем выходе из соединения, замещаться другими; вследствие гармонического и уравновешенного соединения сил, для которых она служит центром и местом действия; а также по причине ее творческой, возрождающей, обновляющей способности, которая дает ей возможность повсюду отыскивать жизненные элементы, группировать их и заставлять их проникать в составляющие ее агрегаты. Ибо в то время как составные элементы плазмы весьма легко теряют свою индивидуальность, вступая в новые соединения, она обладает значительной созидательной и реставрирующей силой, с помощью которой способна предохранить себя от этого разрушения, немедленно исправляя его непреодолимым стремлением, энергичной волей, направленной к сохранению жизни. Это искусный реставратор. Таким образом, зародышевая плазма является способной к вечному возрождению и к сохранению постоянной свежести.

Были и другие теории бессмертия, например, с позиции доминирующей роли головного мозга. «Мысль есть основная функция мозга», — говорил старый материализм. Будем и мы исходить из этого положения.

«Я прошу вас признать вместе со мною, — пишет профессор философии Гарвардского университета В. Джемс, — великую психофизиологическую формулу: мысль есть функция мозга. Теперь во-

прос в том, принуждает ли нас логически эта доктрина отвергнуть веру в бессмертие? Заставляет ли она всякого здравомыслящего человека жертвовать надеждами на загробную жизнь потому, что он считает долгом принять все последствия научной истины? Я должен показать вам, что роковое заключение не является обязательным, как обыкновенно воображают, и что даже, если наша душевная жизнь в том виде, в каком она проявляется пред нами, представляет в строгой точности функцию мозга, подверженного смерти, отсюда все-таки не следует, что жизнь не может продолжаться даже после смерти мозга; я хочу показать, что это, напротив, вполне возможно».

Мысль является функцией мозга,— пусть будет так, но вопрос в том, какой функцией? Мозг можно рассматривать или как производящую причину мысли, или как одно из условий для проявления ввне той мысли, которая уже существует независимо от мозга. Предполагаемая невозможность продолжения жизни происходит от слишком поверхностного взгляда на допущенный факт функциональной зависимости. Как только мы взглянем внимательнее в это понятие о функциональной зависимости и спросим себя, например, сколько может быть видов функциональной зависимости, мы тотчас заметим, что, по крайней мере, один ее вид нисколько не исключает загробной жизни. Роковое заключение физиолога происходит оттого, что он голословно принимает только один вид функциональной зависимости, а затем считает этот вид единственно возможным.

Когда физиолог, полагающий, что наука его разбивает всякую надежду на бессмертие, утверж-

дает: «Мысль есть функция мозга», он смотрит на факт совершенно так же, как когда он говорит: «Пар есть функция чайника, свет есть действие электрического тока, сила есть функция движения водопада». В последних случаях различные материальные предметы обладают функцией, создающей или порождающей данные действия, а такая функция их должна быть названа продуктивной, или же производящей функцией. «Так точно,— думает физиолог,— должен действовать и мозг».

Но в мире физической природы такая продуктивная функция не является единственным видом известных нам функций. Мы знаем еще функцию пермиссивную, или освобождающую; кроме того, у нас есть еще трансмиссивная, или передающая функция. Клапаны органа, например, обладают только передающей функцией: они последовательно открывают различные трубы и выпускают воздух из мехов различными путями. Голоса разных труб образуются волнами воздуха, вибрирующего при выходе. Но воздух не порождается в органе. Собственно орган, взятый отдельно от мехов, представляет собой только аппарат, выпускающий частями воздух в особой органической форме.

Наука не может считать мысль результатом производящей функции мозга. И вот почему. О продуктивной функции можно говорить только там, где совершенно ясно и отчетливо, т.е. совершенно научно будет показано, как одно, предыдущее, рождает другое, последующее. Здесь не должно оставаться ни одного, даже самого маленького «икс»-а. Когда наука употребляет слово «функция», то она подразумевает лишь ряд постепенных изме-

нений, наблюдаемых в известной последовательности. Так ли обстоит дело в нашем примере?

«Если мы говорим о науке в положительном значении ее, то под словом «функция» мы можем подразумевать не что иное, как просто соответствующие изменения. Когда мозговая деятельность изменяется в известном направлении, соответственно изменяется и сознание: когда работают затылочные доли мозга, сознание видит предметы; когда работает нижняя лобная часть мозга, сознание называет предметы самому себе; когда работа мозга останавливается, сознание засыпает, и т. д.

В строгой науке мы можем только записать простой факт соотношения. А всякое мнение о способе происхождения факта, посредством созидания его или простой передачи, представляет лишь добавочную гипотезу, притом гипотезу метафизическую, так как мы не можем составить себе никакого понятия о частностях как в том, так и другом случае» (У. Джемс).

Таким образом, научно можно утверждать только одно: за известным мозговым процессом следует известное впечатление, известное состояние сознания. Но можно ли, стоя на научной почве, сказать, что мозг именно и порождает сознание, что сознание существует лишь постольку, поскольку налично имеется мозг?

Но тогда к какому же времени нужно отнести появление сознания? И как представлять самое его появление? Где именно здесь предыдущее и последующее, необходимо требуемые точной наукой? «Спросите какое-нибудь указание относительно точного процесса рождения мысли, и наука признает

себя бессильной ответить вам. Она не может даже пролить и малейшего света на этот предмет, не может дать вам и малейшего предположения или догадки. У нее даже нет по этому поводу ни плохой метафоры, ни игры слов. «Ignoramus et ignorabimus»,— вот что скажет в этом случае большинство физиологов словами одного из них.

«Появление сознания в мозге,— ответят они, как ответил когда-то покойный профессор физиологии в Берлине,— есть абсолютная мировая загадка, нечто до того парадоксальное и ненормальное, что в этом явлении можно видеть камень преткновения для природы, которая в том почти противоречит самой себе. Относительно способа образования пара в чайнике мы имеем известные понятия, на которых и строим предположения, так как переменные части физически однородны, и мы легко можем себе представить, что здесь речь идет лишь о видоизмененных молекулярных движениях. Но при образовании сознания в мозгу переменные члены разнородны по природе, и в пределах нашего разума это явление представляет такое же большое чудо, как если бы мы сказали, что мысль порождается самопроизвольно или создается из ничего» (У. Джемс).

Таким образом, мозг является только аккумулятором мысли, не более. А мы знаем, что аккумулятор есть материя, вещество, прибор, орган, способный получать извне и собирать, накапливать некоторые силы, вещества, продукты, для того чтобы расходовать их потом более или менее медленно и в известных условиях. Аккумулятор не созидает, он лишь накапливает то, что получает извне.

Приведу примеры для иллюстрации этого определения.

Простая пружина есть аккумулятор силы и движения: когда ее натягивают, она собирает и хранит силу, потраченную на ее натяжение, а потом может ее снова вернуть, быстро или медленно, в зависимости от условий, при которых она приходит в первоначальное состояние. Часовая пружина представляет собою всем известный и яркий пример указанного факта: она собирает и хранит упругую силу, сообщаемую ей в известное время рукой того, кто ее заводит, и, благодаря механизму, употребляемому для ее спуска, возвращает накопленное ею движение в продолжение более или менее долгого промежутка времени. Если спуск пружины произошел вдруг, а не распределен на большой промежуток времени, то сила возвращается быстро и вся зараз.

Водяной пар и вообще жидкости, приведенные в парообразные состояния,— также аккумуляторы теплоты и движения, потому что они заключают в себе в скрытом состоянии накопленную теплоту, сообщенную им очагом и употребленную на испарение их. Так как эта теплота обладает механическим эквивалентом, то пар является в то же время и аккумулятором движения. Сгущаясь, т.е. превращаясь снова в жидкое состояние, пар может вернуть теплоту или в форме теплоты же, или в форме движения.

Электричество точно так же может быть аккумуляровано на обширных металлических поверхностях, как например на цилиндрах электрических

машин, или на электрических конденсаторах в собственном смысле, или в аккумуляторах, где оно собирается и сгущается, вследствие соединения свинца с кислородом воды, а потом выделяется, благодаря разложению окиси свинца.

В растениях есть одно вещество, играющее замечательную роль аккумулятора углерода: это хлорофилл, который, извлекая углерод из находящейся в атмосфере углекислоты — соединения углерода с кислородом,— аккумулирует его в растении в форме клетчатки, древесины, крахмала и т. д. Этот углерод, увлекаемый растительными соками, отлагается в различных частях растения. Но в то же время хлорофилл служит аккумулятором теплоты и солнечного света, потому что, производя свою преобразовательную работу, он поглощает солнечную теплоту для того, чтобы потом выделить ее, как топливо наших печей.

Конечно, я привел здесь не все примеры аккумуляции, которые представляет нам область научных исследований.

Итак, говоря упрощенно, мы представляем материю мозга своего рода фонограммой, на которой записана мелодия наших мыслей, волевых настроений, чувств. Наши мысли не родились из мозга: они перенесены извне. Это элементы, или готовые психологические волны, переданные нам миром (здесь речь идет об ощущениях) или другими духовными сознаниями (более сложные психологические волны).

Теперь спросим: какого рода та сила, которая оставила свои борозды на фонограмме души?

В конденсаторе аккумулируется электричество; в магните тоже может быть электричество с

незначительно измененной характеристикой и т. д. А здесь, очевидно, действует какая-то новая сила. Неважно, как мы ее назовем, но, видимо, все-таки здесь даже натуралисту нельзя найти название лучше прежнего — дух. В сущности, трудно назвать иначе, как словом «дух», и ту силу, которая организовала протоплазму.

«Вся обнаружившаяся жизнь есть ясное выражение духа: она — его плод и результат. Это именно дух, т. е. возможность познавать конечную цель, или воля, направленная на осуществление ее более подходящими и избранными средствами. Это именно дух, пока еще бессознательный, распространенный повсюду в природе, произвел организацию протоплазмы; материю, общую всем живым существам; настоящую среду, где проявляется жизнь; физическую основу жизни. Именно духу протоплазма обязана той дивной организацией, которая дала ей возможность аккумулировать мировую жизнь, жизнь всеобщую и невидимую, жизнь, рассеянную в природе, а следовательно, явиться также аккумулятором и самого духа. Это опять-таки не кто иной, как дух, т. е. воля, направленная на осуществление конечной цели, управляет тем удивительным механизмом, с помощью которого клетка, делясь, распаясь на части, образует совокупность сначала одинаковых между собою клеток, а потом дифференцированных и группирующихся сообразно их стремлению к образованию органов. Опять-таки дух же достиг сооружения этого, вечно удивляющего собою, здания, которое получило имя растения, дерева, животного или растительного организма» (Сабатье).

В самом деле, что такое самая материя? «Это что-то очень духовное», — говорит один ученый. Опираясь на чисто естественнонаучную точку зрения, можно сказать, что ее в сущности и нет. Возьмите любой сложный предмет, например пудовую гирию. Какие свойства в нем реальны? Вес? Но вес есть выражение закона тяготения, выражение известного соотношения между планетами. Пуд на другой планете будет весить меньше. В центре земли он потеряет свой вес совершенно. Цвет? Но он существует для нашего глаза, и только. Если бы наш глаз был совершеннее, мы бы видели движущиеся волны светового эфира, так что гирия растаяла бы на наших глазах, обратилась в систему «движений».

«Материя есть форма, принятая духом для осуществления конечной цели. Материя есть дух, сделавшийся осязательным для проявления аккумуляции и организации психологической силы, для прогрессивного развития души и нравственной личности. Уничтожьте материю, и дух останется в скрытом, неощутимом виде, в состоянии диффузии. При помощи материи он проявляется, аккумулируется, организуется. Следовательно, материя есть форма, принятая духом для его собственной аккумуляции и организации». И вот дух, мысль, живущая в мире, сотворила мозг как свой орган. Аксиома, — что функция создает орган, а не орган функцию.

Но теперь — снова вопрос. Пусть сознание («душа») только записано в мозгу, как в фонограмме. Следует ли отсюда, что она будет жить вечно?

Можно ли сказать, что мозг уничтожается, фонограмма распадается, и пропадет мелодия? Умирает ли душа с мозгом, если даже считать ее тесно связанной с мозгом по своей природе и сущности? Ответ на этот вопрос станет понятнее, когда выяснится, что такое жизнь и что такое смерть организма, что значит умереть.

«Жизнь на земле всякого организма, как определяет опытная наука, есть известного рода соотношение его с окружающей средой или, другими словами, приспособление организма к окружающему его миру. Мир внешний воздействует на организм то положительным, то отрицательным образом; если последний будет воспринимать первого рода воздействия и противодействовать вторым, он будет жить».

«Жизнь,— писал Спенсер,— это непрерывное приравнивание внутренних отношений к внешним. Таким образом, организмы стремятся к тому, чтобы установить с внешней средой состояние уравновешенности. Конечная цель всех жизненных действий, если рассматривать их не порознь, а в совокупности, состоит в уравновешении известных внешних процессов посредством известных внутренних»*.

Чем лучше организм приспособлен к окружающей его среде, т. е. чем успешнее он может реагировать на все воздействия на него со стороны внешних сил, тем жизнь его будет продолжительнее и спокойнее. Если бы возможно было установить такое соотношение, при котором жизнь организма постоянно

* Спенсер. Основные начала. С. 47.

находилась бы в состоянии равновесия, организм был бы бессмертен. Даже Спенсер признает это положение. «Полное и совершенное соотношение,— утверждает он,— будет и совершенной жизнью. Если бы в окружающей среде были такие перемены, встречаться с которыми организм уже приспособился, причем перемены эти воздействовали бы на него всегда одинаково, то была бы вечная жизнь и вечное разумение».

Итак, жизнь есть соотношение с известной средой. Там, где соотношение уравновешенное, есть и жизнь; там, где этой уравновешенности нет, наступает смерть. По отношению к самому организму смерть означает, что его уравновешенность нарушена и не может уже более противостоять разрушению известной связи между составляющими его элементами. По отношению же к природе смерть отдельного организма означает лишь новое перераспределение соотношений между известными силами и материей, так как наука признает неуничтожаемость всего, что только существует. Собственно смерти как полного уничтожения бытия нет и быть не может: материя не уничтожается, и энергия не умирает.

«О смерти нельзя говорить в общепринятом смысле, как о безусловном отсутствии жизни. Одно только бессмертие существует вообще и служит неотъемлемой принадлежностью того, что находится в природе. Смерть нельзя смешивать с уничтожением. То, что сотворено, т. е. материя и сила, и что можно представить себе отдельно одно от другого лишь чисто умозрительно,— все это, с точки зрения науки, несокрушимо. Но, если элементы не-

сокрушимы, нельзя сказать того же самого по поводу отношений связи между ними, от которых зависят их группировки, соединения, форма. Эти соединения, эти способы группировки, эти формы могут изменяться и изменяются в действительности, чем и объясняются проявления обмена элементов, их размещение, соединение и разложение, которые составляют столь многочисленные перемены и преобразования в животном мире». Разрушение данной связи элементов материи или энергии есть смерть.

Но теперь попробуем перейти к мысли и сознанию. Здесь опять налицо элементы сознания и их известное соотношение со средой. Среда в ближайшем смысле есть материя мозга. Естественно элементы сознания считать неуничтожаемыми, как и всякие элементы. Если материальные элементы неуничтожаемы, то, очевидно, и духовные элементы человека, его душа, не подлежат разрушению; и она, подобно силам и материи, имеет полную возможность вступить в иные связи и соединения, установить соотношения с другой средой, отличной от той, в которой она была доселе».

Отсюда можно сделать и дальнейший вывод: естественно думать, что элементы сознания будут стремиться встать в более тесное соотношение со сродными элементами или будут тяготеть к тому, чтобы сблизиться с духовными сознаниями. Это стремление и будет стремлением души к обособлению от элементов тела в отдельное бессмертное существование.

«Бессмертие» и есть не что иное, как стремление души выйти из условий, которые она по мере развития перерастает, и войти в сношение с более близкими ей средами — духовными. И здесь нет ничего неестественного и странного, и невозможного, ведь в природе можно наблюдать или одни только материальные соотношения (например в химии), или и материальные, и духовные вместе (в человеческом организме). Почему же, спрашивается, не может быть и соотношения духовного с духовным?

Правда, для нас, живущих в известных материальных условиях, это новое соотношение представляется, если и не невозможным, то, во всяком случае, крайне непонятным. Однако непонятность для нас некоторого предмета или явления — слишком недостаточный мотив для его отрицания. Очевидно, выход за пределы умопостигаемого не означает еще выхода за границы возможного. «Выйти за пределы того, что мы называем природой, не значит выйти за пределы всякой среды. Природа, естественная среда, есть только часть всего, что нас окружает. Существует еще громадная область, действительная и естественная, хотя многие люди утверждают, что никак не соотносятся с ней. Мир умственный и нравственный неведом растению, но он действителен. Нельзя также утверждать, что он неестественен для растения, хотя можно сказать, что, с точки зрения растительного мира, он сверхъестественен.

Все естественно или сверхъестественно в зависимости от положения. Человек сверхъестественен для минерала. Бог сверхъестественен для человека. Когда минеральные вещества усваиваются растением

и возводятся им до органического мира, никакого нарушения законов природы не происходит. Они просто входят в соотношения с более обширной средой, которая до тех пор была для них сверхъестественной, а теперь стала вполне естественной. Когда Животворящий Дух Божий охватывает сердце человека, опять нет никакого нарушения законов природы. Это только как бы новый переход, вроде перехода неорганического в органическое»*.

Повторяем, для человеческого духа гораздо естественнее находиться во взаимоотношении с духовной средой, чем с материальной. Масло не смешивается с водой, потому что их природы слишком различны, но зато стоит только соединить проводом две электрические батареи, как моментально начинается течение электрического тока. Человек добрых навыков будет чувствовать себя отвратительно в обществе людей противоположных этических принципов, и наоборот: дурному человеку будет не по себе в чуждом для него кружке людей. Что наиболее предмету свойственно, то наиболее для него и естественно.

«Соотношение во всех случаях есть дар среды. Естественная среда дает людям естественные их способности, духовная дарует им их духовные способности. Для духовной среды вполне естественно восполнять духовные способности и это было бы вполне неестественно для естественной среды. Последнее противно и естественному закону биогенеза, и нравственному закону, ибо конечное не может вместить бесконечного, и, наконец, духовному

* Друммонд, 120–121.

закону, в силу которого *плоть и кровь не могут наследовать царствия Божия* (1 Кор. 15, 50)*.

Но и этого мало. Известны факты, когда организм вступал в соотношение с новой средой, не только не свойственной его природе, но даже совершенно чуждой. Если возможны новые соотношения с несвойственной материальному телу средой, то представляется решительно непонятным, почему новые соотношения с родственной средой невозможны для духовной материи, для человеческой души.

«Эволюционисты рассказывают нам, что под влиянием среды некоторые водяные животные приспособились к жизни на земле. В результате, нормально дыша жабрами, они, в награду за свои постоянные усилия, дышат небесным воздухом; усилия, делаемые из поколения в поколение, приобретают постепенно свойство дышать легкими. В молодом организме, согласно со старым типом, жабры все еще остаются, как, например, у головастика, но, по мере наступления зрелого возраста, появляются настоящие легкие. Жабры постепенно передают свою задачу органу более развитому, а сами атрофируются и исчезают, так что дыхание у взрослых совершается исключительно при помощи легких. Мы не утверждаем, что эти наблюдения вполне доказательны, но могут ли люди, признающие их достоверность, отрицать их аналогию с духовной жизнью и не признавать научности учения религии о преображении человеческой души?»

Может ли эволюционист, допускающий перерождение лягушки под влиянием постоянного

* Друммонд, 121.

сообщения с новой средой, отрицать возможность приобретения душой способности молиться, этого дивного дыхания новой твари, при ее постоянном соприкосновении с атмосферой, окружающей Бога? Разве этот переход от земного к небесному более таинственен, чем переход от жизни в воде к жизни на земле? Разве эволюция должна остановиться на органических формах?»*.

Но оставим в стороне эти отвлеченные теории и возвратимся к вопросу, не состоит ли для души смерть именно в том, что она расстается со своей «здешней средой» — мозгом, его материей, и может ли она найти себе иную форму бытия — создать себе другой аккумулятор?

Душа наша, ее жизнь, становится независимой от двух факторов: связи с миром ощущений, с материалом, который дают органы чувств, и с материей мозга. Спросим себя прежде всего: насколько тесно связана жизнь души с внешним миром, с органами чувств и ощущениями? Эта связь далеко не абсолютна.

Доказательство тому, к примеру, жизнь во сне. Представьте себе герметически закупоренную комнату, куда не проникает свет и не доходят звуки, и вы увидите во сне картины светового, зрительного характера. Что это значит? То, что мозг может жить и независимо от притока новых впечатлений. У него уже есть своя жизнь, запасенная, состоящая из того, что он уже приобрел. Если бы можно было совсем прекратить к нему доступ ощущений, поддерживая питание мозга в определенной мере, чело-

* Дрюммонд, 129–130.

век тогда жил бы во сне, и эта жизнь, в сущности, была бы едва ли менее реальна, чем наша повседневная.

Следовательно, духовная жизнь человека, его мысль, творчество и т. д. могли бы продолжаться, если бы даже его мозг был «освобожден» от внешнего мира и его ощущений. Возможно ли теперь освобождение мысли от мозга? Да, возможно. Теперь можно представить, что душа человеческая вместе с временным аккумулятором — мозгом — имеет или творит другой, более сложный, аккумулятор, который живет после того, как первый умер. Фонограмма обветшала, но, пока она старилась, мысль создала себе другую фонограмму — сложнее и тоньше.

Возьмите конденсатор или магнит. Сколько здесь факторов, или, вернее, «фактов наблюдения»! Ошибкой было бы сказать, что здесь мы имеем два «факта»: металл конденсатора, электричество или железо и магнетизм. Нет. По известной теории, электричество создает себе в конденсаторе или магните нечто третье — электрическое поле.

Такого рода «третье» есть и в человеке. Сознание, аккумулируясь в мозге, создает или имеет здесь свою среду — фонограмму в фонограмме. Эта среда есть душа. Она вечна.

Итак, сгруппируем аргументы. Не нужно забывать, что душа — это «группа», а не сумма мыслей, чувств и т. д. Мы знаем, что цепной червь (солитер) состоит из ряда, в сущности, совершенно самостоятельных звеньев: если отделить одну,

другие части и не почувствуют, и не узнают. Но в организме более сложном все части неразрывно связаны. Организм есть нечто крепко сцепленное в своих элементах, и жизнь одной клеточки находит отзвук во всех, болезнь одной в той или другой мере — болезнь всего организма.

Душа есть организм. Здесь все связано. Отнимите часть мозга — «я» осознает себя все же как «я». Душа не потеряет суммы своего духовного содержания и быстро восполнит потерянные части мозга для сохранившихся целыми идей. Повреждение части мозга — потеря определенной суммы клеточек — не изменяет сознания, не изменяет даже его состава, не отнимает ничего из суммы его духовного богатства, так что, очевидно, содержание каждой мозговой клеточки, если можно так выразиться, связано и повторено в других клеточках и в них живет. Но если так, то, освободившись от мозга, психические элементы должны жить вместе — в группе.

Как это происходит? Ответим. Динамическая группа, комплекс мыслей, чувств и т. д., прочна, пока связана с мозгом, но только пока. В мозге она, очевидно, имеет свою форму, свою оболочку не такого осязательного характера, как материя мозга. Если бы жизнь мысли была тождественна жизни мозга, то единственной формой сообщения мысли был бы язык. Мозг не может «выступать» из себя, и мысль, если она в мозге, должна сначала дать сигнал органу речи или жесту, чтобы слово или символ передали мысль другому.

Но мы имеем факты деятельности мысли на расстоянии, факты воздействия воли на волю через пространство. Вдумайтесь в этот факт, и вы приде-

те к заключению, что дух, имея другую среду, кроме мозга, по свойствам этой тонкой динамической, а не материальной среды, может выступать вовне, как волны, форма движения, сила.

Соединяя обе мысли, мы приходим к следующему выводу. Так как мозг — только внешняя фонограмма нашей «душевной» мелодии и для этой мелодии есть уже другая форма воплощения, то смерть мозга не есть смерть души; а так как элементы духа связаны в группы души, то и будучи выражены помимо мозга, они будут существовать не как элементы, а как группа, как «душа» — личное сознание.

Проиллюстрирую это примером, пока придавая ему значение поэтического образа, а не научного аргумента. Известны рассказы об электрических шарах, например: «Голубой шар — искра большой грозовой тучи скользнула по мачте, опустилась вниз, излучая голубое сияние, и вдруг разразилась группой искр». Как определить характер этого явления?

Шар — это, очевидно, конденсатор электричества, но конденсатор не той материи, в какой мы привыкли мыслить конденсатор. Это конденсатор неизвестной нам структуры, более тонкой, чем шар, электрической машины, или даже шар грозовой тучи. Хочется сказать, что здесь нет собственно материи, а воплотилась в чистом виде сила электричества.

Теперь перейдем к душе. Мы видим, что каждая клеточка сознания освобождается вместе со всеми другими в группе и в обстановке той эфирной среды, которая стоит между мозгом и сознанием. А это значит, что душа освобождается в группе в виде «голубого шара эфирной среды». Последние

наши слова носят, конечно, характер поэтической метафоры.

Переводя выше сказанное на язык данной статьи, приходим к скромному выводу: мысль имеет, кроме мозга, второй аккумулятор — душу. Этот новый аккумулятор также должен состоять из того, что мы называем материей души человека, не абсолютно духовной, но более свободной, более легкой, отличающейся более координированным, более гармоничным строением, чем обычная материя.

Откуда же она возьмет свое начало? Так как этот аккумулятор должен быть результатом психического действия, то он может организоваться именно там, где находится психический аккумуляторный центр, т. е. в том месте, где находится личность, словом, в нервных центрах. Вот где должен образоваться, по крайней мере, зародыш нового организма.

Такой взгляд нисколько не противоречит наблюдению. Потому что если глаз наблюдателя и не может обнаружить присутствия внутри мозга этого нового организма, тонкого, легкого, нежного, то, во всяком случае, факты дают нам право догадываться, если не быть уверенными в том, что осязаемая весома материя проникнута материей неосязаемой и невесома. И в конденсаторе мы не можем установить распространенной между металлом и «силой» среды.

«Я сравнил бы бессмертную личность, чьи высшие проявления подавлены и заглушены испортившимся и разлагающимся организмом, с куколкой насекомого, под неподвижной и негибкой оболочкой которой образуется уже новый мускульный аппарат, обреченный в течение некоторого времени на

неподвижность; органы новых чувств, деятельность которых пока еще незаметна и груба; новый пищевой аппарат, не начавший еще функционировать; новая система дыхательных органов, которая может развернуться и действовать лишь несовершенным образом.

Старый и первичный организм почти совершенно изменился и разрушился, а другой занял его место, но проявления этого последнего подавлены и обречены на молчание. Между тем, органическая жизнь совершенного насекомого пребывает здесь во всей своей силе и ждет лишь момента, чтобы проявиться. И она действительно проявится, как только остатки прежнего организма будут уничтожены и стесняющая, препятствующая оболочка будет разорвана и отброшена.

Точно так же и бессмертная личность могла бы в день смерти тела сбросить с себя ветхую, изношенную оболочку для того, чтобы вступить со своим новым и более совершенным организмом в свободную и яркую лучезарность эфирной жизни. Эта аналогия не кажется мне натянутой; и в ней можно найти некоторые элементы ответа на поставленный нами вопрос, решение которого в высшей степени трудно, так как на пути, ведущем к нему, мы положительно лишены света и принуждены пользоваться лишь скромным созерцанием» (Сабатье).

До сих пор мы доказывали, что освобождение мысли от мозга допустимо. Теперь прибавим: это освобождение следует считать фактом. Не

только обыденная жизнь, но даже и наука признали факты взаимодействия двух или более личностей независимо от условий пространства и даже времени.

Кому не известны случаи, когда близкий человек духом, так сказать, узнает о том, что с дорогим, близким ему лицом, находящимся от него иногда за тысячи верст, произошло несчастье, и узнает именно в тот момент, когда это случилось. Не так давно собиранием сведений обо всех таких явлениях занялся известный астроном К. Фламарион. Записанные им факты в переводе на русский язык печатались потом в «Вестнике иностранной литературы».

Если придавать этим фактам серьезное значение, то они, бесспорно, доказывают наши тезисы, но мы воздержимся от ссылки на них.

Возьмите даже тот всем известный факт, что у многих людей перед смертью, когда кровь испортилась, нарушилось пищеварение, когда нервная система вынуждена работать при самых дурных условиях, после онемения и даже расстройства психики происходит пробуждение, мысль проясняется и оживает, а из уст умирающего раздаются ясные речи, выражающие удивительно высоконравственные мысли. Или факт, что человек перед смертью вдруг, в один момент, переживает все прошлое. Оцените это.

«Этот быстрый переход к свету от мрака, к порядку от беспорядка, к деятельности от полного ее упадка, в то время как органические и жизненные условия мозга должны были скорее сделаться хуже, чем улучшиться, потому что обмирание распространяется все дальше и приближается смерть,

этот переход может быть объяснен лишь с большим трудом. Можно предположить, что в этот момент духовный организм начинает отделяться от связей с земным организмом и сохраняет с ним лишь часть отношений, необходимых для своего проявления».

На этом мы и кончаем наш очерк. Мы старались все время держаться области фактов и данных, сообщаемых опытной наукой. Мы ни разу не привели в подтверждение того или иного положения цитат из Св. Писания и думаем, что от этого дело не проиграет, а, напротив, выиграет, так как устраняется мысль о какой-либо предубежденности».

Думается, что и из тех кратких и отрывочных мыслей, изложенных в приведенной лекции, можно вынести убеждение в том, что естествознание не только не отрицает возможности бессмертия, а скорее ее предполагает. Во всяком случае, жажда жизни и отвращение к смерти, наблюдаемые у всех живых существ, не являются чем-то случайным, взятым напрокат, а, наоборот, исполнены глубокого смысла. Жизненное начало, или дух бесконечен уже потому, что бесконечен мир, бесконечна вселенная.

С земли, с этой маленькой, затерявшейся в бесконечной вселенной планеты, человек видит солнце, которое своими живительно-благодетельными лучами развивает и укрепляет на земле жизнь как в животном, так и в растительном. Человек изобретает теле-

скопы и с их помощью открывает новые бесконечные миры вселенной, многочисленные планетные системы наподобие нашей солнечной. Безгранична и необъятна вселенная миров. И миры эти — воплощение жизни. Жизнь бесконечна.

Выше мы сказали, что дух бесконечен уже потому, что бесконечна вселенная. Теперь скажем: а сама вселенная бесконечна потому, что бесконечен жизненный дух, носителем которого она является.

Вселенная бесконечна, но не сама по себе: материя не может быть самостоятельным бытием. Ибо материя существует лишь постольку, поскольку в ней проявляются те или другие силы. Даже неорганическая материя, и та обладает известными силами, вернее, подчиняется им. Так, камень — предмет неорганической материи — будучи поставлен в благоприятные условия, сам начинает движение, например при действии закона тяготения. И потому даже за неодушевленной, косной материей скрываются живые силы. Материальный мир — это продукт живых сил, гармонично действующих во вселенной. И бездушное слово «закон природы» предполагает именно эти силы вселенной.

«Законы природы», «силы вселенной», на которых покоится мировая жизнь, уже по существу не могут стоять в причинной зависимости по отношению к материи. Они должны зависеть от другого начала, бесконечного не в множественности своей, а именно в единстве, от начала творческого, вечного. Вечный Дух — вот начало мира и его бесконечности. Пройдут времена. Одни миры уступят место другим. Погаснет жизнь на нашей планете. И только Дух будет жить вечно.

Итак, мы утверждаем, что закон сохранения энергии,— в сущности, ложь, если не признать бессмертия души.

Морозов пробыл 20 лет в Шлиссельбургской крепости. Это двадцать лет кипучей работы мысли. И вот, допустим, он умер, а его мысль не была записана или передана. Куда же делась та сумма энергии, какая ушла на работу его мозга из мысли? Ведь чисто физически на его мысль потрачена огромная масса энергии. Он умер, и из его мозга вырос лопух, как из мозга Базарова? Материя не исчезла и преобразовалась. А мысль, энергия? Она исчезла, но значит ли это, что энергия исчезает в никуда?

Нет, мы верим, что души вечны, и сознание, та динамическая группа, которая зовется душой, освободившись от мозга растет, живет. Это требование эволюции.

Многие тысячи лет нужны были земле, чтобы из паров и каления отложить твердые основы, чтобы на них могла развиваться растительная и животная жизнь, чтобы, мало-помалу, от самых слабых, еле видных зачатков жизненной индивидуальности в какой-нибудь зооспоре, развилась личность, индивидуальность в других высших организмах, чтобы наконец появился в шестой день человек — венец творения, высшее, пока что, слово его — самая полная индивидуальность. С появлением человека, высшего индивидуума, возникли на земле ум, мысль в действительном их значении и со всеми необычайно великими, дурными и хорошими последствиями. В человеке достигло кульминационного или, правиль-

нее сказать, высшего пункта (ибо кульминация предполагает обратное вслед за тем движение — развитие вниз, для чего мы в данном случае не имеем ни малейшего научного основания) развитие индивидуума, характерной особенностью которого являются все его бестелесные особенности, т. е. то, что называется душой.

Начатки, первообразы этих способностей, как известно, имеются также в низших животных: в инфузориях, монадах, зооспорах, амебах, достигают значительного развития в высших животных, но последним, высшим словом этого развития является индивидуальная, непременно индивидуальная, душа человека. До души животных, сказывающейся иногда даже с поразительной интенсивностью, нам нет никакого дела, ибо мы должны говорить только о высшем, о том, что имеется налицо, что, следовательно, подлежит дальнейшему развитию. А этого дальнейшего развития из низшей формы скачком в высшую, минуя среднюю, мы никоим образом допустить не можем, не противореча общему ходу развития бытия во всей его тысячелетней последовательности. Выше человеческой души до сего дня не произведено ничего, и по существу своему такая душа, как сказано, должна быть непременно индивидуальна.

А теперь скажите сами: может ли быть так, чтобы творение, постоянно развиваясь, с трудом и необычайными усилиями выработывая на основании непреложных законов высшую форму — душу человека,— сразу обрывалось смертью этого «индивидуума», уничтожением того, на создание чего потребовалось столько сил и времени? Ведь всегда и

везде природа сохраняла, сберегала высшую из выработанных форм бытия, чтобы от нее идти дальше, а тут, на самой высшей форме, вдруг, ни с того, ни с сего, она отступает от этого тысячелетиями соблюдавшегося закона и умерщвляет ее!

Одно из двух: или все земное бытие — не что иное, как безумие, ирония, мыльный пузырь (но тогда зачем же предвечные, несомненные, непреклонные, математически точные законы мироздания? Зачем вся эта обстановка строгой логичности? Для надувательства кого-то, для какого-то важного, триумфального законного шествия в глупейшее ничто?), или наоборот, если законы — не шутка, если жизнь действительно логична и развитие в известном направлении — ее суть, тогда признайте в гибели единоличной души человека, т.е. высшего индивидуума, совершеннейшую невозможность, полное отрицание всей остальной жизни, всех несомненных законов бытия, какой-то невероятный, беспричинный скачок по направлению, совершенно противоположному всему движению бытия! Но, признав невозможность гибели души,— что будет совершенно правильно,— предоставьте же ей, в силу сохранения однажды выработанных, улучшенных форм, дальнейшее развитие, т. е. загробную жизнь...

